

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 82.09

Кадочникова И.С.

кандидат филологических наук, доцент
НОЧУ ВО «Московский экономический институт» (Москва)

«Ижевск, молодость, современность»: рецензия на: Альманах современной поэзии Удмуртии: выпуск 1. Ижевск, 2018. 176 с.

Рецензируется первый выпуск Альманаха современной поэзии Удмуртии, подготовленный Штабом современной поэзии «ПоэтУр». Представлен анализ каждой поэтической подборки, вошедшей в состав издания. Выявляются эстетические тенденции, характеризующие современный литературный процесс – как региональный, так и общероссийский.

Ключевые слова: современная поэзия, удмуртская поэзия, региональная литература, альманах, Ижевск, литературный мейнстрим.

Весной 2018 г. в литературной жизни Удмуртии произошло большое событие: вышел в свет первый выпуск Альманаха современной поэзии республики, подготовленный командой «ПоэтУр» (Герман Суслов, Андрей Ничей, Анастасия Максимова, Ксения Сулова, Татьяна Черкасова, Тимофей Спиркин). Однако составителями Альманаха стали не только основатели Штаба современной поэзии, но и актеры театра LesPartisans, а также сами поэты, которые работали в качестве ридеров.

Во вступительном слове к Альманаху его редакторы назвали книгу «первым в своем роде сборником стихотворений ижевских поэтов». Однако следует отметить, что первая серьезная попытка представить современную поэзию Удмуртии в формате книжного издания была предпринята в 2015 г. Мы имеем в виду антологию «“Никуда этот мир не исчезнет...”»: Поэзия Удмуртии. Избранное» (Ижевск, 2015). Его составителям (М.В. Серова, И.С. Кадочникова, В.Ф. Шихов, Т.В. Зверева) так же, как и составителям Альманаха, «хотелось... под одной обложкой объединить русских и удмуртских авторов», которые мало известны широкому читателю и «в творчестве которых весьма ярко проявляется образ нашего общего пространства, формирующий, в свою очередь, мироощущение современного человека, его внутренний мир». Антология представляет поэтические имена, уже отрефлектированные в критике или литературоведении (М. Зимица, С. Жилин, В. Фролов, В. Шихов, А. Сомов, М. Багаутдинов, В. Владыкин, А. Кузнецова, М. Федотов, В. Шибанов, С. Матвеев, П. Захаров, Л. Орехова), отражая при этом «развитие эстетических тенденций в рамках сменяющих друг друга десятилетий». Альманах в свою очередь представляет собой срез молодой (даже молодежной) поэзии Республики. В этом и заключается его новизна и оригинальность. Составители книги относятся к современному литературному процессу именно как к процессу, в котором все ценностно значимо, все важно. Это время решит,

кто и что останется в литературе, редакторы же Альманаха словно говорят читателю: «Вот современная поэзия. Она может вызывать у вас возмущение, несогласие, даже отторжение, но она – *такая*, нравится вам это или нет».

Альманах – издание, прежде всего, региональное, то есть нацеленное на репрезентацию удмуртского локуса сквозь призму эстетической рефлексии. Так, книгу открывает подборка Егора Завгороднего, начальное стихотворение которой – «Воздухоплавание» – отсылает к образу Ижевска, осмысленного в мифопоэтическом аспекте. В первой строфе Ижевск раскрывается как типичный провинциальный город, лишенный культурного слоя («Я пишу тебе с берегов Ижа, / где клубится пыль и блещит чугун...»). Однако внутреннее зрение героя открывает в этом провинциальном топосе иное измерение («Я привез, дорогая, тебе восток: / и гуннов, и змея, и фонари), соотносимое, безусловно, с блоковским видением России и русского («Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, / С раскосыми и жадными глазами!») В итоге ижевское пространство у Завгороднего сакрализуется, осмысляясь чуть ли не как «дом Бога»:

подними свою голову – видишь, Бог
посмотрел на тебя из Уральских гор...
Я привез, дорогая, тебе Его...

Однако в последующих текстах подборки образ Ижевска конструируется в сниженном ключе: в стихотворении «Плацкартиада» обнажается дворовая изнанка города, отсюда и бранная лексика, и подонковский сленг («Ижик, крокодил, корты, / пгт, говно, менты... / дети, клей, пакеты... / “Слышь, иди сюда, паскуда!”»). Собственно, для героя Завгороднего это и есть «свой город, знакомый до слез», узнаваемый по его русско-удмуртской – некрасивой, но единственной, поскольку родной – речи:

«Кызьынимды? Нош мынам...»
«Дай сотыгупацанам!»

Если у Богдана Анфиногенова функция поэтического слова – по преимуществу рекламная, то у Анастасии Шумиловой – охранная. Смысл творчества видится автору в преодолении как собственной смерти, так и смерти нации:

вокруг меня – родная чужь,
булгары, готы.
пусты их рты, беззвучен плач.
я слышу скрежет
ножей – кому сейчас палач
язык отрежет?
однажды и ко мне придет
палач тот – время,
родной язык мой унесет
в немые земли...
и я пишу – чтобы палач
меня не тронул.

Взгляд на мир, который открывается читателю в текстах Юрия Бражника, отличается такой честностью и непосредственностью, что его можно сравнить разве что с удивленным и чистым взглядом ребенка (=мудреца). В художественном космосе Бражника очеловечено и одухотворено все. Вот солнце, которое герой прижимает к своей груди, а оно «возмущенно отбрыкивается, / отфыркивается, разбрызгивает капельки плазмы / ... но в конце концов сдаётся, благодарно затихая... Оно ведь тоже соскучилось». Вот лес, в котором звучит тонкий голос подснежника и в котором живет добрый волк, готовый распахнуть свой огромный дом для каждого сюда входящего. Вот высохший ручей, который на самом деле не превратился в пустыню, а обрел новое имя и новую форму («–Пусть пустыня и прочней, / Зато я беспочвенней, – / Говорил сухой ручей, / Тучей став находчиво»). Вот крик, несущий посох пророка, охраняющий врата сада-рая и все знающий о жизни и людях, не способных прозреть и увидеть в булыжнике необработанный алмаз. Стихи Юрия Юражника – о том, как можно смотреть, и о том, что человек часто видит только внешнее, не пытаясь постичь суть вещей и явлений:

Еще один ничего не делал, просто так пришел
к вратам сада, стал читать вывеску
(Вывеску давно не ремонтировали, буква «С»
отпала),
Развернулся и пошел обратно.

По мысли автора, подлинная, глубинная красота бытия открывается только тому, кто умеет смотреть:

Откуда ни возьмись выходит баба с грудным ребенком
И все процессы во вселенной останавливаются,
Завороженные
Первобытной красотой нерасколотого сознания.

В то время как Юрий Бражник предлагает читателю взглянуть на мир другим, незамутненным взором, почувствовать первозданность бытия, Дарья Нестерова последовательно разворачивает в своих

стихотворениях рефлексию по поводу современности, формулируя целый ряд актуальных проблем эпохи.

Во-первых, это проблема абсурдности человеческого существования. Чувство бессмысленности всего происходящего, трагической безысходности особенно болезненно переживается человеком, «заброшенным» в «маленький» провинциальный город-завод «на шестьсот тысяч ртов», «Где за то, чтоб нормально существовать, / Будешь рвать, надрываться и надрывать» и где даже любовь не становится спасением:

Чтобы жизнь не сожрала его и меня
С потрохами и косностью.
Лишь бы мы до последнего жаждали вырваться,
Ну а там не заметили бы уже как состарились.
.....
«Ну и хрен с ним», – подумаешь,
И тогда до свиданья, до скорого, до последнего.
Мы в могилу – кряхтеть и ворочаться в вечности.

В стихотворении «Мне говорят, во мне существует русский...» автор актуализирует другую проблему, обострившуюся в современных социокультурных обстоятельствах, – вопрос о национальной идентичности, который осмысливается в ироническом ключе, поскольку всплеск этничности повлек за собой моду на «этническое самопозиционирование»: «Смотришь в себя, – они без конца воюют. / Спорят за место, под солнце хотят попасть». И хотя в финале стихотворения звучит мысль о том, что душа лирической героини все-таки «удмуртская», общий пафос текста связан с утверждением идеи космополитизма: «Вот и идешь такой гражданин планеты», «Мне говорят, во мне существует русский. / Я говорю, – во мне существуют все».

Наконец, особое место в поэзии Дарьи Нестеровой занимает проблема творческого самоопределения, которая раскрывается в стихотворениях «Ленин в церкви (сон)» и «Горбатые». В первом говорится об иррациональной природе поэтического дара, о том, что творчество безадресно по своей сути («А чо мне писать-то надо? / Кому вообще это надо? / И кто все читать-то будет?»), во втором – о трудном пути как единственно возможном пути поэта: «Потому что нет ничего, / что исправит горбатых нас. / Что поэта сделает проще, / на три-два-раз».

Говоря об особенностях поэтики Дарьи Нестеровой, нельзя не отметить специфику ее художественной речи, ориентированной на разговорный, просторечный и даже жаргонный язык («...пожирает тебя бытовуха», «Ну чо еще надо дуре...», «А нафиг вообще ты пишешь?»). Это не только язык молодежи, но и язык нашего времени, а задача поэзии, как известно, – отразить эпоху, что и старается сделать Дарья Нестерова, и это у нее получается.

Речь Анны Глуховой (псевдоним Грата) предельно метафорична, сложна с точки зрения синтаксиса и фонетики: поэтическая форма здесь становится важнее содержания, что, кстати, было характерно для поэзии Серебряного века:

так въедается Бог
в каньоны подкожных ран,
с берегов, где обрыв покрыл сплошняком бурьян,
и река – океан, и руки в ней – океан,
и, пожалуй, почище тех,
что помыты с мылом.

Тексты Анны Глуховой очевиднее всех других, представленных в Альманахе, вписываются в контекст современного поэтического мейнстрима, о чем свидетельствуют и узнаваемые интонации («как в ночных подворотнях ветер пронзает тело, / как последний бокал вина – это тот, что ты не хотела, / но почему-то выпила, и теперь пишешь всем подряд, // но почему-то не тем, с кем во снах так искренне говорят»), и лексический и синтаксический строй (если где-то есть храм, / почему мы еще не там, / почему мы так верим ведущим и дуракам, / чьи манжеты трещат от сала, голова от того – как лучше бы приодеться»), и эмоциональный тон стихотворений – такой, про который говорят «на разрыв аорты». Это, прежде всего, сетевая поэзия (так, на поэтическую страницу «Грата» подписаны более 2000 человек), задача которой – максимально пронзительно сказать о трагичности бытия современного человека, оказавшегося в условиях духовного кризиса.

Сквозной мотив стихотворений Александра Митрякова, во многом продолжающего традиции И. Бродского, можно обозначить строками из его стихотворения – «отдельный человек / на пустоши». И хотя эта пустошь может быть «покрыта цветущим вереском», «и жаворонок вьется вблизи», ощущение внутренней пустоты и экзистенциального одиночества не преодолевается даже в момент созерцания красоты мира. Герой Митрякова – один перед лицом времени и смерти. Только в воспоминаниях он словно воскресает, обретая ощущение счастья: «Порою, вспоминая этот путь, / я чувствую, как солнце льется в поле, / а поле отразилось в облаках – / настолько было все вокруг едино». И хотя герой призывает других (и себя самого) жить на пике, на пределе («Заебашьте так, чтоб диспетчер / Эту жизнь нам зачел за две»), он прекрасно осознает невозможность такой судьбы, поскольку скудно, обыденно и заурядно человеческое существование:

Земную жизнь пройдя до середины,
Я научился открывать сардины
при помощи гвоздя и двух камней;

Входя в ручей, закатывать штанины...
и не жалеть о том, что не случилось,
и не жалеть о том, что перестал
уже жалеть о том, что не случится.

Заключительная подборка Альманаха представлена стихотворениями Тани Репиной. Особенно репрезентативны начальный и финальный тексты, ко-

торые в совокупности выстраиваются в сюжет о поиске поэтом своего места в мире.

Открывает подборку стихотворение «Поезд Тересполь – Брест», в котором актуализируется все та же проблема этнической идентичности. Эту идентичность героиня осознает только тогда, когда покидает родину – возможно, навсегда: «Нет, я не еду в Россию». О родном этносе сказано с теплом: «у меня в животе / маленькие удмурты». С другой стороны, в центре стихотворения – рефлексия по поводу все той же космополитической установки (кстати, заявленной в названии текста), отсюда – мысль о том, что города мира давно стали частью самой героини: «перемешаны города. раскиданы по клеткам тела». Соответственно, перечислительный ряд, в который вписано выражение «у меня в животе маленькие удмурты», свидетельствует, скорее, о готовности отказаться от причастности к удмуртскому этносу и территориальной привязанности к удмуртской земле:

у меня безязычие. у меня безголосие живота.
у меня в животе маленькие удмурты.
кот без хвоста. сито без решета.

«Кот без хвоста», «сито без решета» – метафоры вещей, лишенных самого главного. Для поэта самым главным является язык. Так, во-первых, проводится мысль о том, что в условиях глухой провинции творческая реализация по определению весьма затруднена (если вообще возможна), а во-вторых – о поэтической немоте, на которую оказывается обречен поэт, говорящий на языке малых («маленькие удмурты») народов («у меня безязычие. у меня безголосие живота»). Сюжет отъезда в Тересполь, а потом в Брест – это сюжет поиска возможностей для осуществления себя как Поэта. Поэтому тема «удмуртского» в творчестве Т. Репиной сопрягается с проблематикой «поэт в провинции», и разрыв с удмуртским топосом становится попыткой не просто найти свое место в мире, но и найти такое пространство, в котором возможно максимальное творческое воплощение. Однако обратной стороной этой установки на свободное передвижение оказывается трагическое чувство бездомности, безытийности и одиночества: «знаешь, о чём думает тот, кто уезжает? / кто всегда уезжает? / столько лет уезжает? // он всё думает, как же прекрасно было бы встретить того, / кто возражает./ кто обязательно помешает».

В предисловии к Альманаху его редакторы отметили, что поэты, чьи подборки составили книгу, дают «возможность и другим увидеть с помощью их оптики Ижевск, молодость, современность». Да, герои Альманаха – молодые авторы, но важно, что их отличает стремление к духовному и эстетическому поиску, желание найти ответы на «проклятые» вопросы человеческого бытия.

Kadochnikova I.S.

"Izhevsk, youth, modernity": review of: Almanac of modern poetry of Udmurtia: Issue 1. Izhevsk, 2018. 176 p.

Reviewed the first issue of the Almanac modern poetry of the Udmurt Republic, prepared by the Staff of modern poetry "PoetUp". The review presents an analysis of each poet, who Almanac includes. Russian and regional aesthetic tendencies are characterized.

Keywords: *modern poetry, Udmurt poetry, regional literature, almanac, Izhevsk, literary mainstream.*